

Виктория Токарева

Птица счастья

И з д а т е л ь с т в о « А з б у к а »

Виктория Самойловна Токарева

Птица счастья (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18573664

Виктория Токарева. Птица счастья: Азбука-Аттикус; Санкт-

Петербург; 2016

ISBN 978-5-389-11539-2

Аннотация

Надька любила поддразнивать Ксению: дескать, что она заработала за всю жизнь?

Но смысл ее жизни – вне материального. Ксения шевелила своими пальчиками, уносила в свою глиняную страну, и ей было там хорошо. Успех и творчество, успешное творчество – самый сильный наркотик.

Это больше чем деньги.

Содержание

Птица счастья

7

Конец ознакомительного фрагмента.

65

Виктория Токарева

Птица счастья (сборник)

© Токарева В. С., 2002, 2004

© ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

«Онассис без кошелька... Ну и что? Кошелек надувается и сдувается, как проколотая шина. А человек остается прежним.

Перед сном кошелек оставляют в тумбочке, а спать ложатся голыми. Человек ложится спать со своим здоровьем, совестью и любовью. Только это и имеет значение. А деньги – всего лишь удобство. И больше

ничего».

В. Токарева

Птица счастья

«Птица счастья завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня, выбери меня, выбери меня, птица счастья завтрашнего дня...»

А если не выберет, пролетит мимо... Или выберет кого-то рядом, а ты останешься стоять с раскрытым ртом...

Надо проявить инициативу: высоко подпрыгнуть и схватить птицу за хвост, и сделать это раньше других.

Надька читала о том, что жена известного русского скульптора была любовницей Альберта Эйнштейна и при этом работала на нашу разведку. Вряд ли высоколобый Эйнштейн заинтересовался этой русской. Он был занят теорией относительности и не смотрел по сторонам. Наверняка жена скульптора сама проявила инициативу и протырилась к великому Эйнштейну. А он согласился. Почему бы нет, когда само идет в руки. Вот тебе и птица счастья. Она дура, потому что птица. Летит себе безо всякой программы, крыльями звеня. Смешно рассчитывать на случай. Этот случай надо готовить.

* * *

Надька родилась еще при Брежневе в городе Ростове-на-Дону.

Надькины родители крепко обнялись после выпускного бала и зачали ребенка. Ребенка они не планировали ни в каком случае, он родился весьма некстати. Девочка Надя. Просто бездонный мешок, а не девочка. В этот мешок валилась вся жизнь.

Папаша слинял довольно быстро. Одно дело – обниматься после танцев, изнывать от страсти. И совсем другое дело – бегать каждое утро на детскую кухню за бутылочками.

Папаша сначала сбежал обратно в общежитие, потом в Москву. А потом и вовсе канул.

Надькина мама по имени Ксения честно выкормила своего ребенка до семи месяцев. Потом вручила бесценное сокровище своей маме, Надькиной бабушке, и отчалила в Москву. Не за мужем, ни в каком случае. Ксения довольно быстро поняла, что ее родной шумный зеленый городок – это глухая провинция. А все лучшее случается в Москве.

Ксения приехала в Москву и поступила в художественно-промышленное училище. Ей все и всегда нравилось делать руками. Она думала пальцами. Головой, конечно, тоже, но пальцы были умнее.

Ксения училась делать рамы для картин, работала с глиной, занималась обжигом, керамикой. Особенно хорошо получались круглые тарелки с синей глазурью.

Ксения не поленилась, выучила арабскую письменность. Арабская вязь шла по краю тарелки, и не просто буквы, а что-нибудь из Низами.

Все восхищались, кроме мастера, который вел курс.

– Слишком гладко, – говорил мастер. – Как штамповка. Хотя бы одна заусеница...

Ксения не понимала: зачем заусеница? Разве гладко – не лучше?

Ксения – блондинка с карими глазами. Редчайшее сочетание. За такое сочетание можно многое простить и не мелочиться с заусеницами. Но у мастера была манера: кого-то выбирать в любимчики, а кого-то задвинуть, как пыльную тапку под диван.

В любимчики вышел Герман Глебов – талант и пьяница, и красавец, между прочим. Ксения не могла от него глаз отвести. Глаза как будто прилипали к его лицу, и время останавливалось. У Германа были просторные очи и высокие брови. «Исполненный очей». Мальчишеский затылок и трогательная шея. Говорили, что он из дворян. Вырождающийся аристократ. Вырождался Герман стремительно. Хотелось подставить руки, как-то удержать. Ксения и подставила, естественно...

Герман по месяцу не ходил на занятия. Потом придет и притащит эскиз: кот с человеческим лицом. Что особенно-го? Все звери похожи на людей, а люди – на зверей. Мастер, например, похож на медведя и одновременно на артиста Папанова. Но мастер носился с этим котом, как с флагом, совал всем под нос: среди нас живой Пиросмани. Однако живой Пиросмани стремительно спивался, как будто встал на про-

грамму самоликвидации. Горел как факел. И сгорел.

— Для России это нормально, — тяжело вздыхал мастер. — В России каждый стоящий пьет как свинья.

Получалось: чтобы попасть в стоящие, надо иметь тяжкие пороки. А у Ксении не было пороков. Одни достоинства. Она была красивая, скромная, работающая, порядочная. Если брала в долг, отдавала вовремя.

Если влюблялась — совершенно бескорыстно, и даже наоборот. Себе в ущерб. Герман, например. Она его кормила, опекала и даже носила на спине, как мешок с картошкой, в тех случаях, когда он не мог идти ногами.

В остальных случаях она просто крепко держала его за руку. Герман смеялся и говорил:

— Что ты меня держишь? Я — это единственное, чего ты никогда не потеряешь...

И это правда. Он умер, а она его не потеряла. Он — в ней.

Он дал Ксении гораздо больше, чем мастер. Мастер только критиковал, а от критики у нее опускались руки. Когда Ксению ругали, она тут же верила, внутренне соглашалась: «Да, я ничего не могу. Я — никто и ничто».

Ксения заряжалась только от любви и восхищения. Герман говорил: «Ты лучше всех...» И Ксения тут же верила. Да. Она лучше всех. И у нее все получится...

В последний год они часто ссорились. Ксения уставала от его пьянства, бросала в лицо обидные обвинения. А Герман сказал однажды:

– У тебя будет все, но не будет меня. И тебе будет очень плохо...

После смерти Германа Глебова была выставка. Всем стало понятно, какая утрата. А Ксении стало понятно, что отныне и навсегда ее душа, как бездомный подросток, будет болтаться по вокзалам и подвалам. Что-то кончилось навсегда...

Ксения стала жить одним днем. Без особых планов. Куда-нибудь да вывезет.

«У тебя будет все, но не будет меня. И тебе будет очень плохо...»

* * *

Пока созидалась и рушилась судьба Ксении, Надька росла себе в Ростове-на-Дону. В доме бабушки с дедушкой текли ее детские годы, перетекали в отрочество. Надьке исполнилось тринадцать лет, и она вдруг заметила, что дедушка с бабушкой старые и несовременные. Ничего не разрешают. То нельзя. Это нельзя. Туда не ходи, с этим не дружи. А за плохие отметки прятали обувь как последние дураки. Сиди дома.

Надька удирала без обуви. Босиком. И по несколько дней жила у подруг, чтобы проучить деда с бабкой. Пусть поволнуются. Они и волновались. У бабушки повышалось давление, дедушка визжал как подрезанный. Все кончилось тем, что старики позвонили Ксении и прокричали:

– Забирай свою дочь и воспитывай сама! Что нам теперь, подыхать, если у нас внучка?..

Ксения понимала, что когда-то придется забирать Надьку. Но только не сейчас.

Сейчас она получила хороший заказ: сувенирные тарелки для магазина «Узбекистан». Это была большая удача. Это были деньги.

Наклюнулся вариант замужества. Не по любви, к сожалению. Просто фиктивный брак, из-за прописки. Прописка – это начало начал. Можно будет вступить в жилищный кооператив. Въехать в свою квартиру и тогда уже забрать Надьку.

Ксения упросила родителей подождать еще год-два. Родители согласились, куда деваться. Кто у них еще есть, кроме дочери и внучки. И они по большому счету согласились бы сдохнуть из-за внучки, но стало очевидно, что большой возрастной разрыв – через поколение – не работает. Девочке нужны молодые родители.

* * *

Ксения постепенно осуществляла свои планы: медленно, но верно. Заработала деньги, вступила в кооператив. Въехала в двухкомнатную квартиру. Квартира, правда, оказалась не солнечная. Окнами на север. Ксения смотрела по утрам, как солнце освещает дом напротив. Солнечные лучи ходили по стене, медленно перемещались, заглядывая в чужие окна.

Пусть повезет другому. Ксения была рада за других. У нее отсутствовала шишка зависти. И шишка жадности тоже отсутствовала. Она не торговалась с заказчиками, сколько давали – столько и спасибо. С ней было приятно иметь дело: обязательная, деликатная, красивенькая. И качество на высоком уровне. В результате она никогда не сидела без работы. Срабатывал принцип: тише едешь – дальше будешь. Народная мудрость, проверенная временем.

Единственное, чего хотелось по-настоящему, – это любви. Чтобы вместе убирать квартиру, вместе ложиться спать, вместе таскать тяжести, неперенные в ее работе.

И вместе молчать. Так тяжело молчать одной...

Ксения отвыкла от дочери и старалась оттянуть ее появление. Но Надька все-таки возникла в свои пятнадцать лет, нарисовалась в полный рост. Варламовская порода. Ничего общего с Ксенией. Ксения – славянка, а Надька – азиатская девочка. Поговаривали, что в варламовском роду когда-то проскочил монгол. В Надьке он проявился весьма отчетливо. Припухшая линия верхнего века, сильные волосы, черные, как антрацит, а глаза серо-зеленые, как авокадо. Надька была красивая и некрасивая одновременно, как камень александрит, меняющий цвет в зависимости от освещения. При плохом настроении она вся уходила в свой вислый нос. А при хорошем – японка с дорогого календаря. Разница в выражении глаз. У японки с календаря – женственная покорность. У Надьки – настороженное выжидание: с какой стороны по-

дойдут, кому врезать?..

Ксения смотрела на свою дочь, испытывала разные чувства. С одной стороны – родная кровь. С другой стороны – как поваленное дерево на дороге. Не свернуть, не объехать и не оттащить. И в дом никого не привести, дабы не подавать дурной пример. И обратно в Ростов не отправить.

Ксения определила Надьку в близлежащую школу, в девятый класс.

Появились подруги, Нэля и Нина. Образовалось общение с себе подобными. Налаживалась своя жизнь.

* * *

Надька по вечерам ходила в гости. Сидела то у Нэли, то у Нины.

У Нэли было интереснее: мама на работе, пустой дом, целые полки журнала «Америка». Можно часами сидеть и рассматривать таинственные черно-белые фотографии, переворачивать страницы мелованной бумаги, заглядывать в ИХ жизнь.

Однажды Надьке попалось интервью с Жаклин Кеннеди. Журналист спросил: как она может после красавца Джона Кеннеди выйти замуж за лысого коротышку Онассиса? Жаклин ответила: «Когда Аристотель Онассис встает на свой кошелек, он становится самым высоким».

Молодец Жаклин. Не смутилась. Делает так, как считает

нужным.

У Надьки загорелись глаза, как у кошки в ночи. Она поняла: вот ее путь. Она не будет продолжать трудовую стезю своих предков.

Дедушка и бабушка – люди с высшим образованием. Врачи. Как они живут? Одни обои чего стоят... Их счастье в том, что они никогда не жили по-другому, им не с чем сравнивать. Они просто не знают – КАК они живут.

А Ксения: десять лет прошло, пока купила квартиру. Еще десять лет на остальное. А там и молодость прошла. А в старости – не все ли равно...

Надька отложила журнал, но в ней что-то щелкнуло. Лицо Жаклин с плоской переносицей и широко разбросанными глазами стало путеводным.

Помимо журналов «Америка», у Нэлиной мамы был полный набор французской косметики и трельяж в три створки.

Девочки красились и смотрели на себя в трех проекциях: прямо, с боков и со спины. Потом раздевались догола и тоже смотрели на себя в трех проекциях. Захватывало дух от смелости и стыда.

Единственное плохо: у Нэли была неинтересная еда – гречневая каша, колбаса. А у Нины – полный обед и домработница Нюра в придачу, которая ставит тарелки под нос, а потом убирает.

Надька норовила оказаться у Нины в обеденное время. Нюра кормила и задавала некорректные вопросы типа:

– А где твой папа?

Приходилось отвечать, что у папы другая семья и другие дети.

– А ты с ним встречаешься?

Как можно встречаться с человеком, который живет в Нидерландах? Одно слово чего стоит: Нидерланды.

– А кем ты хочешь быть? – приставала Нюра.

– Не знаю, – лукавила Надька.

Она прекрасно знала, кем хочет быть. Женой миллионера. Но если сказать вслух – засмеют.

Нэля хотела стать киноведом и учила языки, чтобы смотреть фильмы в подлиннике. Нина решила поступать в архитектурный и брала уроки рисования. Но сколько времени надо корячиться, чтобы заработать на пристойную жизнь? Два поколения как минимум. Сто шестьдесят лет. А если выйти замуж за Онассиса, то получишь все и сразу и не потеряешь ни одного дня.

После обеда Надьку выставляли. Нина готовилась в институт, к ней приходили педагоги.

Надька возвращалась домой. Ксения начинала все сначала.

Песня про белого бычка.

– Куда ты хочешь поступить?

– А зачем? – спрашивала Надька.

– Как зачем? – ужасалась Ксения. – У меня два образования.

Она имела в виду музыкальную школу-семилетку.

– И что толку от твоих двух образований?

– Мне интересно жить. Я люблю свою работу.

– Ты просто не знаешь, как другие живут.

– А как они живут?

– Смотря кто. У некоторых свой самолет и свой остров.

– А зачем нужен свой остров? – не понимала Ксения.

– Можно раздеться голым и ходить. Знаешь, как здорово ходить нагишом?

– Не знаю. А ты откуда знаешь? – пугалась Ксения.

Дедушка и бабушка всю жизнь прожили в двенадцатиметровой комнате. А Надьке остров подавай. И откуда это в ней? Чьи гены? Не от монгола же... А может, как раз оттуда. Там – степи, на многие километры полтора человека. Простор остается в генах.

Ксения хотела для дочери своей судьбы: медленно, но верно. И сама. А потом в старости можно сидеть и наслаждаться плодами трудов своих.

Но Надька не хотела медленно, из года в год. Надька хотела сегодня и сейчас. А наслаждаться можно и чужими плодами. И не в старости, а в молодости, когда желания кипят торжествующе и оголтело.

* * *

Мать Нины, большеротая певичка, вернулась из Венгрии

и привезла Нине штаны – бананы с большими карманами на коленях и на ягодицах. Девчонки мерили наперебой. Балдели. Надька крутилась перед зеркалом и понимала, что уже не сможет видеть себя в своих старых джинсах фирмы «Ну, погоди»... Нэля и Нина справедливо отметили, что на Надьке бананы сидят лучше всех. У нее самые длинные ноги и самая круглая попка.

Вечером Надька плакала. Ксения злилась.

– Нет возможности, – строго говорила Ксения. Она была строгая мать.

– Почему у Нины есть возможность, а у меня нет?

– Потому что у нее работают отец и мать. А я – одна.

– А почему у меня нет папы?

– Так получилось. Мы были разные.

– У Нины тоже разные.

Мать Нины – эстрадная певичка – постоянно подъезжала к дому на разных машинах. А отец Нины всегда возвращался с работы пешком и хмурый. Казалось, нет более разных людей. Непонятно, что их связывало. Нина – вот что их связывало. Каждый со своей стороны любил Нину больше всего на свете. Такая любовь, полученная в детстве, дает запас прочности на всю жизнь.

А Надьку никто не любит. Дед с бабкой далеко. Отец – в Нидерландах. А мать – вся в своих горшках и тарелках.

Ксения иногда жалела: зачем развелась с Варламовым? Зачем пошла на поводу у своих незрелых чувств – ревно-

сти, самолюбия, нетерпения... Тогда казалось, что вся жизнь впереди – и главная любовь впереди. Однако ничего не складывалось: ни главная, ни второстепенная. Видимо, Высший Судья решил: «Здоровье и успех в работе я тебе дам. А вот счастья в личной жизни не дам. И не проси».

Невозможно иметь все сразу. Что-то одно. Ну, два... И это еще хорошо. У других и этого нет.

* * *

Девочки закончили девятый класс. Разъехались на каникулы. Нэля с мамой отправилась в Прибалтику. Нина – в Сочи к родственникам отца. А Надька загорала у себя дома на балкончике, заставленном канистрами из-под красок.

Надька представляла себе Нэлю на Балтийском море среди сдержанных голубоглазых прибалтов. Нину – на Черноморском побережье среди жарких южан. И себя на балкончике. Почему такая несправедливость?

– Почему ты не отдыхаешь? – допытывалась Надька у матери.

– Я не люблю сидеть без дела. Мне скучно.

Ксения находила равновесие только в труде, когда руки заняты и голова занята. А когда все свободно – и руки и голова, – лезут мысли, одна другой печальнее. Давний дружок Коля-Николай, бедный художник с вихром на макушке, который она никогда не могла пригладить, взял да и женился

на двадцатилетней. Сообщил по телефону: так, мол, и так... И еще Надька – ходит, ноет, не знает, куда себя деть.

От нечего делать Надька написала стихи, почему-то от мужского лица: «Я смотрю на твои колени, взгляд мой нежен, и чист, и смел. Я люблюсь и сожалею, что таких никогда не имел».

Ксения прочитала и сказала:

– Ерунда.

– Почему ерунда?

– По всему. Кто это смотрел на твои колени? Где?

– Везде. В автобусе. В метро.

– О господи...

Ксения не чувствовала Надьку. И не хотела напрягаться. Для того чтобы почувствовать другого человека, надо отвлечься от своих дел и мыслей. Надо отодвинуться и посмотреть на расстоянии. Но близкие люди существуют слишком тесно, а лицом к лицу – лица не увидеть.

Надька показала свои стихи Нэлиной маме. Все-таки она редактор, работает в журнале.

Нэлина мама прочитала и сказала:

– Стихи незрелые, но есть темперамент. Энергия. Смелый посыл.

Вот пожалуйста... Чужой человек нашел смелый посыл, а родная мать ничего не находит... Гасит. Тянет за ноги вниз.

Нэлина мама была вдова. Ее муж-летчик исчез при невыясненных обстоятельствах. Самолет перевозил какой-то груз

в Африку. И пропал – самолет и экипаж. Может быть, упал в джунгли, их тела съели дикие звери. Никто ничего не знает. Установить не удалось.

Пропавший отец и муж становится легендой семьи, иконой, гордостью. Его портрет с засушенной розой висит на самом видном месте. Нэля проверяла свои поступки мнением отца: это папе бы понравилось. Или – папа так бы не поступил... Отец был ориентир.

А отца, бросившего семью, хочется скрыть, как позор. Надька завидовала, что у Нэли есть ориентир, а у нее нет. Плыла по жизни без руля и без ветрил. Куда занесет, туда и занесет.

Надьку часто заносило на Ленинские горы. Ей нравилось стоять на смотровой площадке и смотреть на панораму Москвы. Москва – большая, необъятная, как планета. А Надька – песчинка. Жалкая половинка. Так хотелось составить с кем-то целое... С президентом, например. Стать первой леди. Или с Онассисом – и положить Москву в карман. Подсвеченные солнцем, плыли лиловые облака, меняя очертания.

* * *

Через год девочки поступали в институт. Нина – в архитектурный, Нэля – во ВГИК, на киноведческий, а Надька – в педагогический. У Ксении там были знакомые. Но и знако-

мые не смогли помочь. Надька провалилась с треском.

Надька боялась возвращаться домой и пошла к Авету. Они вместе поступали и вместе провалились. Друзья по несчастью.

Авет уговорил остаться ночевать, у него была своя комната.

Надька теряла свою невинность очень глупо – и совершенно бесплатно, и безо всякой любви. Этот Авет даже не понял, что она девственница, а утром даже не предложил чаю.

Мать Авета, закопченная армянка, зыркнула глазом. Спросила:

– Что, женилка понравилась?

Надька не знала, как ответить на этот вопрос, и сказала:

– Ну почему? Авет очень хороший юноша...

Что касается женилки – Надька ничего не поняла и ничего не почувствовала толком. Целоваться – и то интереснее.

Надька устремилась к подругам и сообщила сокрушительную новость. Состоялось производственное совещание.

– Просто ты не умеешь, – прокомментировала Нина. – Центр удовольствия находится в мозгу.

Надька вытаращила глаза. Она не представляла себе, как может женилка проникнуть в мозг.

Нина взяла листок бумаги, карандаш, быстро начертила раковину и эрогенные точки. И цифрами поставила: что, где и в каком порядке. Нина была сильна в теории. А может, и не только. Сие тайна, покрытая мраком. Нэля тоже не распро-

странялась на свой счет. Подруги были тихушницы. Дружба, называется.

Дружба для того и существует, чтобы выворачивать душу, как карман. А иначе – какой смысл? Надька была открытым человеком, себе во вред, разумеется...

– У тебя вода в жопе не держится, – замечали подруги.

– А зачем она там нужна? – возражала Надька.

Подруги определились по части образования. Нина поступила в архитектурный, Нэля во ВГИК, на киноведческий, как будто кто-то будет читать ее статьи. И читать не будут, и заплатят кошкины слезы. Выйдет замуж за такого же киноведа, будут разговаривать об умном и питаться магазинными пельменями.

В том же журнале «Америка» Надька прочитала: дочь Онассиса Кристина вышла замуж за русского парня. С ума сойти... Кристина влюбилась настолько, что переехала в Москву и поселилась в четырехкомнатной квартире.

Надька рассматривала фотографию везунчика: ничего особенного, какая-то проблема с глазом. И вот пожалуйста... Значит, птица счастья действительно летает и кому-то садится на плечо.

* * *

Ксения устроила Надьку работать секретаршей в художественно-промышленное училище. Но Надьке было там скуч-

но. Она складывала руки на стол, голову на руки – и спала. Заведующая учебной частью не могла на это смотреть. Как ни откроешь дверь, Надька, как тюлень, лежит грудью на столе, а лицо такое, будто она его отлежала. Грозилась выгнать, но Надька и не держалась за эту копеечную должность. У нее были совершенно другие планы.

Где водятся иностранцы? В Большом театре, на Красной площади, в цирке и на смотровой площадке.

В Большой театр не попасть, Красная площадь – далеко от дома. А смотровая площадка на Ленинских горах – четыре остановки на троллейбусе.

Надька приходила на площадку как на дежурство, и сердце каждый раз замирало: а вдруг?..

Это был вторник. Надька запомнила, потому что в этот день выдавали зарплату.

Шел мелкий дождь. Народу на площадке – никого, если не считать торговцев сувенирами.

Возле матрешек стоял белесый немец и торговался. Продавец показывал ему четыре пальца, а он в ответ – три.

Продавцу надоело, он махнул рукой. Лучше продать за три доллара, чем не получить ничего.

Немец взял матрешку. Он был доволен, поскольку сэкономил целый доллар, то есть полторы марки. А полторы марки в России – большие деньги.

Надька приблизилась к нему и спросила:

– Который час? – Проявила инициативу. Лучше белобры-

сый немец, чем ничего.

Немец пристально посмотрел на Надьку. Он не понимал: что ей надо? А Надька в это время рассматривала его лицо, юношеские прыщи на лбу, неинтересную худобу. Он был не стройный, а тщедушный. Как будто недоедал.

Надька показала на часы. Немец решил, что русская хочет купить часы, и активно затряс головой, дескать, не продается.

– Найдн!

– Да не нужны мне твои часы. Просто время... – Надька ткнула пальцем в часы.

Немец вглядывался в Надьку, пытаясь сообразить, что ей надо. И вдруг увидел небывалую красоту: черные шелковые волосы пересекали лицо, азиатская линия века, а глаза зеленые, как крыжовник на солнце. Яркая белизна зубов поблескивала за спелыми губами.

Далекий монгол долго размывался славянской кровью, пока не получился такой вот результат.

Надька стояла во всей красе. Немец не мог отвести глаз. Он все смотрел и боялся, что она уйдет. Потом стащил с руки часы и протянул Надьке. Это был его первый и единственный подарок.

* * *

Через год Надька вышла замуж. Его звали Гюнтер. Ксения

не препятствовала. Гюнтер имел образование: инженер. Но быть инженером на Западе – это не в России. Там инженеры ценятся и оплачиваются наравне с адвокатами и врачами.

Надька к Гюнтеру ничего не испытывала, воспринимала как колеса. Он вывезет ее из Страны Советов и легализует.

Во время позднего застоя на Запад можно было выехать тремя путями: невозвращенец, диссидент, законный брак. Невозвращенец – опасно и хлопотно. Заметным диссидентом стать непросто. Для этого надо быть выдающимся человеком, Солженицыным или Ростроповичем. Законный брак – самое доступное. Собрать нужные бумаги. Выехать. Осмотреться – и вперед, к сияющим вершинам. Весь мир в твоём распоряжении. Это тебе не смотровая площадка.

* * *

Свадьбу делать не стали, не хотели афишировать жениха. Ксения боялась, как бы чего не вышло. Она вообще всего боялась. Художники так зависимы. Перекроют кислород, перестанут давать заказы – и что дальше? Ксения – не борец, тем более с государством. Государство такое большое, а она такая маленькая...

Из Ростова приехали бабушка с дедушкой. Им очень понравился Гюнтер – скромный, воспитанный. Он воспитает Надьку, выучит. Сделает из нее человека. Здесь, при Надькиной лени, ей больше нечего ловить.

Включили музыку. Надька пригласила деда на танец. Дед всегда хорошо двигался и сейчас уверенно впечатывал ноги в дешевенький паркет. На Надьке было очень красивое платье из белого креп-сатина, оно ловко обхватывало ее литое тело. И Ксения вдруг заплакала. Ей стало жалко Надьку – куда она едет в чужие края, на чужие руки? И себя жалко – молодость ушла, помахала ручкой. И доверчивого дурака Гюнтера, ополоумевшего от любви...

Что за жизнь: хочешь одно, а получаешь совсем другое... Единственное утешение: все так живут. Никто вокруг не счастлив окончательно.

* * *

Город Мюнстер не пострадал во время Второй мировой войны. Русские бомбы его не затронули. Может быть, не успели. Германия капитулировала, и отпала необходимость разрушать эту красоту.

Центр города – горбатая улочка, мощенная поблескивающей брусчаткой. По бокам – старинные дома, деревянные темные балки проступают сквозь белую штукатурку. Все дома разные, каждый – на свой лад. Окна сверкают чистотой. Немки помешаны на окнах. Окно – визитная карточка хозяйки.

Надька не понимала этого немецкого пристрастия. Она не любила убирать. И готовить тоже не любила. Гюнтер готовил

сам – хорошо и быстро. У него не было другого выхода.

Надька предпочитала гулять по магазинам и рассматривать, что там предлагали. А предлагали все! Это был мануфактурный рай. Сады Семирамиды. Выходное, повседневное, спортивное, обувь, сумки, шубы... Дорогие магазины, средние, дешевые... Это не то что в Москве у спекулянтов – хлам, прошедший через десять рук. Здесь все из первых рук: смотри и выбирай.

Надька мысленно выбирала подарки для родных и для подруг. Мысленно одевала их с ног до головы, но только мысленно. Гюнтер денег не давал. Он вообще не понимал – зачем тратить деньги на одежду? Немцы предпочитают тратить деньги на путешествия. На образ жизни. А кто во что одет – какое это имеет значение? Никакого.

Надька приходила в дорогие магазины и мерила часами. Продавщицы смотрели с презрением. Они уже знали: эта русская ничего не купит, только раскидает и уйдет. Приходилось за ней убирать, все класть на место. Продавщицы понятия не имели о советской системе распределения, о дефиците, о слове «достать». Зачем доставать, когда есть деньги? Надо пойти и купить. Все очень просто.

И Гюнтер не понимал и не хотел вникать. Когда приходила квитанция на оплату телефона, Гюнтер менялся в лице. Его месячное жалованье не выдерживало такой нагрузки. Переговоры с Москвой съедали треть месячного дохода. Гюнтер получал неплохое жалованье, но половина шла

на уплату аренды квартиры, медицинскую страховку, налоги. Того, что оставалось, хватало на жизнь. Хотелось бы что-то отложить на отдых, и просто отложить. Должна же быть хоть какая-то жировая прослойка. Его так приучили. Надька ни о чем не хотела думать, ей бы только услышать голоса мамы, подруг, русскую речь. Гюнтер и Надька ссорились, выкрикивали оскорбления – каждый на своем языке. Исчерпав все аргументы, Гюнтер начинал гоняться за Надькой. Надька убегала, но в конце концов попадала в руки мужа, и он щипал ее, как гусь. И очень сильно. У Надьки оставались лиловые синяки.

Гюнтер готовил сам. В Германии это оказалось несложно. Не надо прокручивать на котлеты плохое мясо. Хороший кусок на сковородку. Пять минут. Вот тебе и ужин. Ну и, конечно, салат. Витамины так же важны, как белки.

Гюнтер стоял над сковородой, размышляя о том, что жена ему попалась нестандартная: ленивая и транжира. Хуже не придумаешь. Но наступали минуты, когда он был готов ей все простить. И прощал.

По-человечески Надька совершенно не подходила Гюнтеру, с точностью до наоборот. Но физически – это была его женщина. А поскольку Гюнтеру было всего двадцать шесть лет, то физическое доминировало надо всем остальным.

Время шло. Надька постепенно обрастала людьми.

В магазине «С унд А» – Надька называла этот магазин «Советская Армия», по начальным буквам – познакомилась с продавщицей Гретой. Грета – немка из Казахстана. Она переселилась на историческую родину с матерью, мужем и двумя детьми.

Знакомство с продавщицей не давало в Германии никаких привилегий. Там ничего не держали под прилавком. Надька и Грета общались совершенно бескорыстно. Это была возможность поговорить по-русски. Отдохнуть душой.

Грета пригласила Надьку на свой день рождения.

За столом сидели переселенцы из Казахстана, ели русскую еду и орали русские песни. Триста лет назад Екатерина Вторая вывезла немцев в Россию, и триста лет они варились в русской культуре. От немецкого остались только имена.

Муж Греты медленно напивался и хмуро смотрел в стол. Он жалел, что уехал. В Казахстане он был инструктором райисполкома, уважаемое лицо. А здесь – разнорабочий на бетонном заводе, таскает арматуру. Постоянно согнувшись, с тяжестью в руках. Платят хорошо, но позвоночник скоро полетит. Начнутся позвоночные грыжи. Такова плата за эмиграцию.

Мать Греты была счастлива, что приехала. Ее лечат хоро-

шие немецкие врачи, поставили правильный диагноз, назначили лекарства.

В Казахстане она бы померла на десять лет раньше. А в Германии продлила свою жизнь и здоровье. Ради этого стоило ехать. Что может быть важнее жизни как таковой?..

Грета сидела с мечтательным лицом. Она хотела заделаться гешефт-фрау и несколько раз произносила нараспев: «Гешефт-фрау...» (Гешефт – значит выгода, нажива). Чувствовалось, что ее гипнотизировало это словосочетание.

Надька усмехалась про себя: что такое гешефт-фрау рядом с возможностями Онассиса.

У Аристотеля Онассиса тем временем произошло большое несчастье. Его молодой сын разбился на маленьком собственном самолете. Не было бы у папаши денег, не купил бы сыну столь дорогую игрушку. Бедный, бедный Онассис...

Следующее знакомство было интеллектуальным: Клаус и Таня. Немцы-слависты. Специализировались на славянской литературе.

В Мюнстере находился старинный университет – внушительное здание из красного кирпича. В нем когда-то учился Ломоносов, бывал Пастернак, о чем сообщалось на бронзовой доске.

Надька зашла в университет в порядке экскурсии. А почему нет? Не все же бегать по магазинам. Там и познакомились.

Надька подошла, представилась. Проявила инициативу.

– Я Надя Варламова, – сказала она. – А вы кто?

– Вы русская? – удивилась Таня. – Это очень хорошо. Но-ситель языка.

Таня была толстая, миловидная, смешливая. Она охотно встречалась с Надькой, тренировала свой русский. У Надьки были свои резоны. Она хотела через Таню и Клауса проникнуть в немецкую среду. Это тебе не казахстанские переселенцы.

Клаус и Таня познакомили Надьку со своими друзьями, но это были такие же слависты. Онассисов среди них не было. И даже просто богатых людей.

Мюнстер – город студентов и слепых. Слепые съезжались сюда со всей Германии, здесь располагалась специальная школа. Они переходили дорогу, поднимая палки. Для них было все предусмотрено, чтобы им было удобно.

Надьке иногда казалось, что слепые бредут на ощупь, расставив руки, и сейчас захватят ее в свои объятия и она тоже пойдет, щупая пальцами воздух.

Нэля и Нина писали письма, жаловались на перестроечный бардак. Завидовали Надьке, что та живет в налаженной стране. Знали бы они... Но Надька ни за что бы не созналась в своем фиаско. КАЗАТЬСЯ было для нее важнее, чем БЫТЬ.

Смотровой площадки в Мюнстере не было. И иностранцев тоже не было. Там все иностранцы.

На окраине города шло муниципальное строительство. Здания были не так красивы, как в центре, но и не так уродливы, как на окраинах Москвы. Должно быть, на бетонном заводе, где таскал тяжести бедный муж Греты, делали качественную продукцию. Немцы. Высокая культура труда.

На строительстве в основном работали турки. Вот тебе и иностранцы. И темперамент другой.

Один молодой турок обвел Надьку вязким взглядом. Они поняли друг друга. Надька не рассчитывала на романтическую историю. Только на деньги. Черный кожаный костюм в витрине магазина не давал ей покоя. И еще хотелось позвонить в Москву. Ей нужен был голос мамы, как водолазу кислородный баллон. Гюнтер не понимал такой зависимости от матери взрослого человека.

Однако костюм был куплен. И не только.

Кто весел, тот смеется, кто хочет, тот добьется, кто ищет, тот всегда найдет. Надька купила себе все: выходное, каждодневное и спортивное. И маме тоже – выходное и спортивное. Каждодневное у нее было. Для этого понадобилось два турка. Цель и средство. Цель – одеть себя и маму. Средство – два турка. Средство – непрестижное, но ведь главное – цель.

Не важно действие, важен результат. В результате Надька отправила в Москву посылку. Посылка дошла. Мама звонила, и ее голос звенел от радости. Ведь маме всего сорок лет. В девятнадцатом веке считалось, что сорок – старуха. А в двадцатом – заря жизни. Все только начинается в сорок лет.

Надька наврала Ксении, что работает переводчицей с русскими группами. Были построены далеко идущие планы типа туристической поездки в Россию и приглашения Ксении в Мюнстер.

Но все неожиданно сорвалось. Все тайное стало явным. Шило в мешке не утаишь.

В один прекрасный вечер Гюнтер возвращался с работы. К нему подошла консьержка и таинственно сообщила:

– Я не хочу вмешиваться в вашу жизнь. Но в ваше отсутствие к вашей жене ходят мужчины. По цепочке.

Гюнтер не понял, что значит «по цепочке». Лазают по веревке?

– Как это? – спросил он, но внутри все оборвалось, как будто желудок обвалился на дно живота, а сердце упало в желудок.

– В двенадцать и в два, – сказала консьержка.

Гюнтер ничего не ответил. Что тут скажешь? Можно сказать «спасибо». Но за такое не благодарят.

Гюнтер с отвращением посмотрел на усатое лицо консьержки. Не стал вызывать лифт. Пошел пешком. Ему хотелось поскорее остаться одному. Было неприятно стоять воз-

ле человека, который явился свидетелем твоего унижения, жизненного краха. Привез из России – кого? Влюбился, дурак. Поверил. Куда ни повернись – везде дурак, но он умеет за себя постоять и никакого жизненного краха он не допустит.

Гюнтер шагнул через ступеньку. Быстро достиг своей квартиры. Открыл дверь своим ключом. Схватил Надьку за руку и выдернул ее на лестничную площадку. После чего скрылся в своей квартире, повернул ключ на два оборота.

Все произошло быстро и молча.

Надька постояла в нерешительности. Надо было взять из дома хотя бы плащ и сумку с документами, но она боялась Гюнтера. Он мог ударить чем-то тяжелым.

Из-за двери доносился звон разбиваемой посуды. И это при его-то жадности... Гюнтер все крушил, выводил стресс наружу.

Надька вздохнула и пошла вниз по лестнице.

Консьержка посмотрела на нее враждебно и настороженно, как крыса. Надька обо всем догадалась и сказала ей по-русски, с улыбкой:

– Сука, тварь, говно...

– Данке, – отозвалась крыса.

Надька вышла на улицу. Ноябрь. Не так холодно, как в Москве. В Мюнстере всегда на десять градусов теплее. Но все равно не лето. На Надьке была хлопковая кофточка с короткими рукавами, цвета гороха, модного в этом сезоне.

Последнее время Надька хорошо одевалась, турки помогали – Максуд и Рустам. Оба молодые, любвеобильные, веселые. Учили петь турецкие песни. Надька не могла повторить эти сложные голосовые фиоритуры, для этого надо быть турчанкой.

Моральная сторона Надьку не волновала. Надо быть идиоткой, чтобы довольствоваться только одним мужчиной. А во-вторых, ее тело – это ее собственность. Как хочет, так и распоряжается. В-третьих, стыдно воровать. А зарабатывать – не стыдно.

Надька села на лавку перед домом. Куда идти? Одна, в чужой стране... Надька ждала и надеялась: может, Гюнтер выпустит пар и побежит ее искать? А ее и искать не надо. Вот она, на лавочке.

Если бы он вышел, Надька кинулась бы к нему, как к спасителю. И может, даже забыла бы об Аристотеле Онассисе, не говоря о Рустаме и Максуде.

Но Гюнтер не вышел. Не поймал момент, не почувствовал.

Надька просидела на лавочке три часа. Замерзла – не то слово. Она обняла себя двумя руками, чтобы как-то сохранить тепло. Но было ясно, что сидеть нет смысла. Надо двигаться.

Надька поднялась и пошла по горбатой улочке вниз. Ее путь лежал к славистам Тане и Клаусу.

Надька не стала рассказывать про турков и консьержку,

что-то ее остановило. Просто сказала, что Гюнтер ее бил.

Таня потемнела от возмущения. Она была активной феминисткой и сражалась за права женщин. Семейное насилие – это преступление. Таня предложила обратиться в полицию. Надька отказалась. Она понимала, что ее рыльце в пуху и лучше сидеть тихо. Иначе будет хуже. Ее, конечно, не посадят в тюрьму, но выгонят из страны. Нет мужа, нет работы, тогда что ты здесь делаешь? Отправляйся домой, в Россию... Домой, конечно, хотелось, но стыдно было появиться с поджатым хвостом. Поехала за миллионером, а получила пинок под зад... В конце концов, Гюнтер – только колеса. Довез. Высадил. А дальше надо действовать. Проявить инициативу.

* * *

Таня предложила Надьке половину своей постели. Она обожала своего Клауса, у них была прекрасная семья. Но Таня была не прочь разнообразить свой сексуальный стол. Надька любила секс: прелюдия, кульминация, кода – как в симфонии. Надька готова была получить новый опыт с женщиной, но не с Таней. Таня – какая-то вся домашняя, толстая, родственная, как тетка из Ростова. Какая тут может быть прелюдия и кульминация... Но Надька терпела из-за пансиона. Она жила у Тани, ела, спала и расплачивалась интимными услугами. Так она считала. Но Таня считала иначе: интимные услуги не стоят ничего. Это добрая воля каждой

стороны. А вот еда стоит денег, и Надя должна вносить свою долю, а не сидеть на шее. Таня озвучила свою точку зрения к концу недели и предложила Надьке работу по дому: убирать, пылесосить, мыть окна и готовить еду. Пять марок в час. Два раза в неделю по шесть часов.

Надька задумалась: работать за гроши и обниматься с толстой родственницей... тупик какой-то. Уж лучше Гюнтер.

Надька позвонила Гюнтеру, хотела прощупать почву. Гюнтер сказал, что она может забрать вещи и документы. А через семь месяцев она получит свидетельство о разводе. Он уже начал бракоразводный процесс. Консьержка выступит в качестве свидетеля.

Надька поняла: Гюнтер панически торопился, чтобы не передумать. Он все-таки ее любил и боялся своего чувства. А Надька все-таки его не любила. Она вышла замуж за колеса, но колеса заехали в трясины и завязли.

* * *

Надька устроилась официанткой в кафе. Хозяин разрешил ей ночевать в подсобке на втором этаже. В подсобке стоял диван и маленький телевизор.

Первое время Надька уставала, было не до телевизора. В конце дня она едва доползала до дивана и падала без задних ног и засыпала, не донеся голову до подушки. И во сне ей снилось, что она не успевает. Потом пообвыкла и приспособилась.

билась. Немцы платили чаевые: десять процентов от суммы. Не больше, но и не меньше.

Уставала спина, приходилось носить тяжелые подносы. Надька вспомнила несчастного мужа Греты с его арматурой. Немцы перекладывают такую работу на эмигрантов, и правильно делают.

Официанткам разрешалось питаться в кафе, но брать дешевую еду: колбасу, сосиски, картошку. Это же смешно: видеть перед собой креветки на гриле, а есть бесполезные холестериновые сосиски.

Надька скидывала в пакет благородные объедки – те, что оставались на тарелках нетронутыми: креветки, рыба сомон. А после работы ела с чувством, с толком и расстановкой, сидя у себя в подсобке.

Онассисы в кафе не заходили. Основной контингент – среднеоплачиваемые скучные немцы, геи и лесбиянки. Надька научилась их распознавать. Геи носили серьгу в ухе и кокетничали, как барышни. А лесбиянки сидели парами и держались за руки.

Иногда под вечер кафе набивалось студентами, и они орали немецкие песни – ритмичные, маршеобразные. Надька вспоминала фильмы о войне. Такие же – русые и рослые – шли по России шестьдесят лет назад и пели такие же песни. Надьке иногда хотелось подсесть к ним, подпитаться молодой энергией. Но это не принято. Хозяин выгнал бы сразу.

Сам хозяин не прочь был подпитаться Надькиной моло-

достью. Но Надька уклонялась. Почему? Потому что на халаву. Просто так. Бесплатно. Если бы Надька влюбилась, тогда другой разговор. Но о любви речи не шло. И о деньгах не шло. Тогда что? Обыкновенная эксплуатация человека человеком.

Однажды хозяин зашел в подсобку как раз в тот момент, когда Надька выуживала из своего пакета королевскую креветку длиной в ладонь.

Хозяин не обращал внимания на креветку, поскольку смотрел на Надькины колени, обтянутые колготками. Надька сконцентрировалась, готовая к отпору... Хозяин был ничего – высокий и не толстый, но в его лице было что-то отвратительное, как будто дунули серой. Он положил ладони на Надькины колени и попытался их развести. Надька лягнула ногой в его живот. Хозяин не удержался и грохнулся на пол. Надька рассмеялась. Это было самое обидное.

Хозяин не понимал: без денег, без жилья, без статуса русская ведет себя как дочка канцлера, решившая подзаработать на каникулах.

Хозяин выгнал Надьку за лень и воровство – так он и сказал. Первое и второе было неправдой. Но это не имело значения.

Ее выгнали – она ушла. Надька ко всем своим зигзагам относилась спокойно. Как к факту. Да – да. Нет – нет.

В этот вечер Надька позвонила в дверь к казахстанским немцам. И попала на праздник. Томас, муж Греты, получил повышение, и это событие решили отметить.

В гостях сидел начальник Томаса – настоящий немец, не казахстанский, а баварский, по имени Райнер. Райнер был ко всем расположен, легко общался, поводя кистью руки. Он был обаятелен, несомненно.

Грета обрадовалась Надьке, поскольку Надька была молодая и красивая, украшала стол, как букет цветов.

Надьку втиснули возле Греты. Было тесно и родственно. И довольно вкусно. Надька расслабилась.

Грета тихо сообщила, что Райнер не женат, но у него есть невеста. Эта невеста живет в другом городе и приезжает раз в неделю на уик-энд, то есть на субботу и воскресенье. В Германии это принято.

Надька, в свою очередь, сообщила Грете, что она поссорилась с мужем и ей негде ночевать.

– Можно, я у тебя переночую? – прямо спросила Надька.

Грета задумалась. Гостевой комнаты у нее не было – значит, Надьку надо класть на кухне, на раскладушке. А завтра мужу рано вставать. И все это – большой напряг.

– А ты попросись к Райнеру, – предложила Грета. – Сегодня как раз понедельник, квартира свободна.

– Но я его не знаю. Попроси ты.

– Это невозможно, – отказалась Грета. – Человек первый раз пришел в гости, и его грузить.

Надька не стала настаивать. Но ночевать ей действительно было негде. Если только в подъезде. Она решила проявить инициативу.

Когда стрелки часов стали сдвигаться к одиннадцати, Райнер поднялся. Вышел в прихожую. Надька выскользнула из-за стола. Она поняла: сейчас или никогда.

– Можно, я у вас переночую? – легко спросила Надька, как о чем-то несущественном.

Это и в самом деле было несущественным. Подумаешь, переночевать... Что случится? Стены обвалятся? Но у Райнера глаза вылезли вперед и округлились, как колеса. Он удивился в высшей степени.

– Мне негде спать, – растолковала Надька.

– Но я не могу...

– Почему? – не поняла Надька.

– Моя невеста не поймет.

– А откуда она узнает?

– От меня.

– А вы не говорите.

– Не могу. У меня нет от нее тайн. Я говорю ей все.

Надька остро позавидовала: надо же... какие отношения. Два человека – как единое целое. Никаких тайн.

Надька пригорюнилась. Ей тоже захотелось такой любви.

– Извините... – Райнер смотрел виновато.

Надька ухватилась за эту виноватость, попробовала нажать еще раз:

– Но я же не с вами лягу. Где-нибудь на диванчике...

– Не могу. Это очень двусмысленная ситуация.

– Одно дело – ситуация, другое дело – человеку негде спать.

Райнер молчал. Надька почувствовала, что он колеблется.

– Я завтра утром встану и уйду, – пообещала Надька. – Как будто меня не было...

– Ну ладно... – сдался Райнер. – Только утром вы уйдете. Я думаю, Сюзи поймет. Все же вы – человек. Не кошка.

* * *

Райнер постелил Надьке в кабинете. Портрет Сюзи красовался на книжной полке. Сюзи снисходительно взирала на все происходящее своими голубыми арийскими глазами.

– Можно без пододеяльника, – предложила Надька. Она привыкла покрываться просто пледом.

– Немецкое гостеприимство, – возразил Райнер и стал натягивать простыню на резиночке.

Надька смотрела, как он натягивает – нагибается и разгибается. Райнер был слегка полноват, лицо – интернациональное. Такой тип мог встретиться и в Турции, и в России, и даже в Индии.

Все зависело от костюма и головного убора.

– Ты немец? – спросила Надька.

– Моя мама венгерка.

– А где она? В Венгрии?

– Нет. В Англии.

Вот пожалуйста. Люди мира. Где хотят, там и живут.

– А почему ты не в Англии?

– Я здесь работаю.

Значит, живут там, где работают. А русские живут там, где их дом.

Надька смотрела, как он натягивает яркий пододеяльник. Райнер ей не особенно нравился. Но у нее не было выбора. Надо зацепиться любой ценой, чтобы легализовать свою жизнь в Германии. А там будет видно. Не надо печалиться, вся жизнь впереди. Вся жизнь впереди, только хвост позади.

Среди ночи Надька легла к Райнеру. Проявила инициативу.

Райнер был смущен, однако не возражал. Выжидал. Надька поиграла на его теле, как на пианино, нажимая нужные клавиши. Получился потрясающий аккорд. Эта симфония гремела пять дней, с понедельника по пятницу. А в пятницу вечером Сюзи получила телефонный звонок от Райнера с просьбой не приезжать. У Райнера произошло перемещение интересов. «Любовь поцвела, поцвела – и скукожилась».

Сюзи порывалась приехать, поговорить. Но о чем говорить? Разве не ясно?

Трубку снимала Надька и своим красивым голосом советовала больше не звонить.

Сюзи все-таки дозвонилась к Райнеру на работу. Райнер сказал странную фразу: разбирайтесь сами. Сюзи не поняла. Сами – это кто? Она и русская? Но при чем тут русская? Ведь предательство совершил Райнер... Сон...

Надька испытывала легкое злорадство. Она победила соперницу. Это была победа живота – главная женская победа. Все остальное – ерунда. Сюзи могла быть умнее, скромнее, более воспитанной и образованной, но эти добродетели не стоили и трех копеек в сравнении с главным женским талантом...

Райнер по вечерам включал музыку и сам тоже пел. Трубил, как лось. Это рвалось наружу его мужское счастье.

Надька позвонила Ксении в Москву и сообщила, что «освежила брак». У нее теперь другой муж. Ксения слегка задохнулась от неожиданности, будто ей плеснули в лицо холодной водой. Потом быстро очухалась, как бы вытерла лицо ладонью, и пригласила молодых в гости, в Москву.

У самой Ксении в это время проистекал бурный роман с молодым кавказцем. Он не годился в мужья изначально, но любовник был восхитительный. Такого чувственного наслаждения Ксения не испытывала никогда в своей жизни. Однако этого мало. Ксения ценила в мужчине личность, а не чувственность. Конечно, хорошо, когда то и другое. Но, как правило, вместе это не бывает. Создатель фасует справедли-

во: или одно, или другое.

* * *

Райнер взял отпуск, и они с Надькой покатали в Москву, в свадебное путешествие.

Ксения на этот раз устроила свадьбу в грузинском ресторане и собрала всех-всех-всех, кто окружал ее в жизни. Это был парад побед: у Ксении – все как у людей и лучше, чем у других. У дочери – настоящий иностранец, а в те времена это была крупная козырная карта.

За столом собрались друзья, соседи, включая Нину и Нэлю с родителями.

Нина за это время вышла замуж за сокурсника, способного архитектора. Он был положительный и порядочный, а поэтому скучный. Интересными бывают только мерзавцы.

У Нэли жизнь не складывалась. Нэля влюбилась в женатого гения. С одной стороны – гений, с другой стороны – женатый. Никаких перспектив, кроме любви как таковой.

Во ВГИКе процветало какое-то извращенное понимание жизни. Ценились только Тарковские, голодные художники. А такие ценности, как семья, верность, материальное благополучие, – это мещанский набор. Этого надо стесняться. Поэтому Нэле светило только быть музой гения, второй в свите, поскольку первая уже была.

Получалось, что Надька лидировала. Жила с иностранцем

в налаженной стране. А в России, пока наладится, сто лет пройдет. Если не двести. А кому охота ждать двести лет? И еще неизвестно, чего дождешься. В начале века Ленин сказал, что мы пойдем другим путем. А через восемьдесят лет выяснилось, что этим путем идти было не надо.

Россия – страна экспериментов. Это, конечно, интересно в глобальном смысле. Но для каждого отдельного человека – неприятно, а иногда и трагично. Надька вывернулась. А почему? Потому что не сидела сложа руки. Рисковала. А кто не рискует, тот не выигрывает.

Все ели-пили, говорили тосты, кричали «горько». Надька и Райнер поднимались и целовались прилюдно. При этом Райнер оттопыривал губы куриной гузкой. Нина и Нэля тихо переглядывались. Жених им не нравился. Стоило из-за такого ехать так далеко. Заграница хороша в смысле еды и мануфактуры. Однако любовь... Нет ничего важнее любви. Какая разница, во что ты одет и что у тебя на тарелке. А вот любовь – ее горячее дыхание, ее химия, ее электричество...

Надьке стало душно. Райнер взял ее за руку, и они вышли на улицу. Москва тех времен была темная и неприбранная, как будто трудно зажечь фонари и подмести. Но никому не было дела, как нет дела до чужого ребенка. Москва-сиротка утопала во мраке.

Райнер стоял рядом, раздувшийся от водки. Надька видела, как далек он от идеала. Но пусть постоит рядом. А там – будет видно. Кто может знать – что будет завтра? Завтра

прилетит птица счастья и унесет Надьку на своих звенящих крыльях.

* * *

Птица не торопилась. Забыла про Надьку.

А время шло и приносило сюрпризы. Первый сюрприз: Надька забеременела и родила девочку. Назвала Машей. В Германии это имя звучало экстравагантно. Не то что в России, где каждая вторая – Маша.

Второй сюрприз: Райнера выгнали с работы. За пьянство. Сначала его предупредили. Шеф подошел и сказал:

– От вас постоянно пахнет спиртным. Если это будет продолжаться, вы потеряете место.

Надька давно заметила, что Райнер начинает день со стакана виски, а к концу дня в нем бултыхается литр. При этом поведение Райнера мало менялось, он как будто оставался трезвым, но начинал гримасничать. Пробовал лицо: на месте оно или нет? Далее принимался чихать сорок раз подряд. Это была аллергия на алкоголь.

Надька прозрела. Сюзи повезло. Сюзи чудом спаслась, как пассажир, опоздавший на «Титаник». А вот Надька влипла, и надо как-то выбираться. Она поволокла Райнера в госпиталь. Ему сделали серию анализов крови, и анализы насплетничали о серьезной поломке организма. Райнер, как оказалось, запущенный алкоголик с двадцатилетним стажем.

– Почему ты скрыл? – спросила Надька.

– А ты не спрашивала, – резонно ответил Райнер.

– Ты должен был предупредить меня до начала...

– Начало было твое, а не мое. Вспомни...

Надька позвонила по телефону в город Лондон и вызвала мать Райнера. На подмогу. Она решила, что «если дружно мы навалимся вдвоем, мы тяжелые ворота разнесем».

Но так могут думать наивные дилетанты. Здравому человеку кажется, что алкоголизм – это распущенность. Если взять себя в руки, если запретить себе строго – все войдет в нужные берега. Но это – великая иллюзия. При алкоголизме нарушается химия. Может быть, это ошибка Создателя. А может – эксперимент...

Мама Райнера по имени Ева отправилась вместе с Надькой к лечащему врачу. Тот предъявил анализы за последние полгода. Ева схватилась за голову, но не удивилась. Она знала, откуда ветер дует. Отец Райнера страдал этим же самым. Наследственное заболевание.

Единственное утешение – внучка Маша. Она оказалась как две капли воды похожа на Еву: беленькая, с голубыми глазами в половину лица. Ангел. В отличие от Надьки. Надька не понравилась Еве ни внешне, ни внутренне. И где он ее выковырял? Как будто мало нормальных немецких девушек. Надо было жениться на русской, злобной и неприятной...

Тот факт, что Райнер алкоголик, бракованный товар, Ева как-то забывала. Не брала в расчет. Он казался ей красивым

и благородным. А недостатки есть у всех. Идеальных людей не бывает.

Ева уехала при своем мнении, а Надька осталась при своем. Она поняла, что надо спасаться, рвать когти. И чем скорее, тем лучше. Но как можно спасаться с ребенком на руках?

Райнер сидел против излюбленной бутылки и философствовал, красиво поводя кистью руки. Именно таким Надька увидела его впервые у Греты. Уговаривала пустить переночевать. А он еще упирался. А она уговаривала. Дура. Злоба накатывала на Надьку как волна. Захлестывала с головой.

Надька хлопала дверью и уходила. Надо было как-то разомкнуть пространство, вдохнуть свежего ветра.

* * *

В супермаркете случайно познакомилась с русским евреем по фамилии Рубинчик. Маленький драгоценный камешек. Рубинчик поселился в Германии по программе канцлера Коля. Немцы испытывали историческую вину перед евреями и старались искупить как могли. Правда, искупление касалось не тех, перед кем они были виноваты. Но все же...

Рубинчик уехал один. Семья осталась в России. Рубинчик планировал устроиться, раскрутиться, а потом уж забрать семью. Он брал на себя первые тяготы эмиграции. Однако в текущих радостях жизни себе не отказывал. Заботливый

неверный муж – типично еврейский вариант.

Рубинчик с Надькой зашли в кафе при магазине. Это дешево. Рубинчик – его звали Лева – вытащил и показал фотографию жены и дочери. Жена оказалась породистая и стройная, как молодая кобыла. Даже странно, что она пошла за Рубинчика. Могла бы выбрать камень покрупнее и подороже. Дочка – копия папаши, что обидно. Но Рубинчику казалось по-другому. У него жгло глаза от красоты своей дочери. Надьке это все было неинтересно. У нее – свои проблемы.

Рубинчик захотел продлить общение. Пригласил Надьку к себе. В квартире воняло вареной капустой. Это был запах старой канализации. Но Надька быстро притерпелась, поскольку отвлеклась.

Они улеглись на широкую кровать, и Лева Рубинчик показал высочайший класс любовных игр. Это был талантливый любовник. Чувствовалось, что данная сфера его интересовала и он достиг в ней небывалых высот.

Рубинчик затейливо ласкал Надьку, при этом продолжая воспевать красоту своей жены. Одно другому не мешало, а может, даже и помогало.

Надька вернулась домой через четыре часа. Райнер отсутствовал. Дочка все эти четыре часа орала без перерыва, была красная и мокрая от пота.

Надька знала, что в таких случаях наступает перевозбуждение и обезвоживание. Ребенок теряет жидкость через пот. Это опасно. Но Надька успела. Она вытащила из кровати

ки мокрую трясущуюся девочку, прижала к груди. Ей было стыдно. Представила себе, как бы осудили ее родные и близкие: мать, подруги. Но им хорошо рассуждать со стороны. Их бы на ее место – одна в чужой стране с запущенным алкоголиком.

Супруги – это два вола, вместе тянущие воз. Двое в упряжке. А когда один вол постоянно пьян, получается, что другой вол в одиночестве тянет упряжку плюс пьяного вола. Так жить можно, но не нужно.

Надька купила билет в Москву и, бросив святое семейство, полетела в отчий дом.

* * *

Москва менялась. Пришел новый мэр, отмыл город, вкрутил лампочки. Москва постепенно превращалась в сверкающий мегаполис. Это тебе не захолустный Мюнстер.

По стране шла перестройка. Стало модным слово «бизнес», прежде позорное.

У Ксении появился свой бизнес: она раскрашивала и расписывала мебель. Заказов было больше, чем времени. Но Ксения не отказывалась. Жаль было терять деньги.

Деньги ничего не изменили в жизни Ксении. В доме, как и раньше, стояла драная мебель. Ксения, как и раньше, одевалась в комиссионках. Ей казалось: какая разница, в чем ходить и на чем сидеть? Совковая привычка к бедности. Един-

ственное, что поменялось, – настроение. У Ксении постоянно было хорошее настроение. Она любила работать.

Особенно удавались комоды. Фон – фисташковый или темно-зеленый. На фоне – цветик-семицветик, простенький такой, наивный. Герман бы одобрил. Все, что Ксения создавала, она сверяла со своим Германом, которого не было. А все равно был.

Когда надоедал цветик-семицветик, Ксения меняла фон на терракотовый, а по терракоту – египетские мотивы.

Себе Ксения ничего не расписывала. Для этого нужна другая квартира, и другой дом прежде всего. А ей не нужна была другая квартира. Ей и так хорошо.

В конструкции «Быть или Казаться» Ксения предпочитала Быть.

* * *

Надька появилась в Москве вся в белом и розовом, как утренняя заря. Вокруг осень и грязь, а Надька в белом и розовом. Купила на распродаже. Дорогой магазин продавал старую коллекцию за треть цены. 70 % скидка. Но ведь про скидку никто не знает, а коллекция эксклюзивная.

Подруги обомлели. Надька опустилась в их ноябрь райской птицей.

Нина жила со своим красивым архитектором. Его дела шли в гору. Поступали заказы на частные дома. Заказы при-

носили деньги. Нина с мужем отдыхали на мировых курортах. Однако не было детей. А у Надьки – целая дочь. Большое преимущество. Недостатки своей жизни Надька скрывала.

Предпочитала, чтобы ей завидовали, а не сострадали. Сострадание унижало, а это недопустимо. Внешне человек должен быть буржуазным. А что внутри – это никого не касается.

Нэля была по-прежнему не замужем, но любила. Никаких перспектив, но чувство... При этом взаимное.

Левые романы, как правило, неуважаемы обществом и не учитываются законом. Нэля существовала на птичьих правах.

Надька советовала Нэле не заикливаться на бесперспективной любви и устроить свою жизнь. Считалось, что она, Надька, устроена. Знали бы они, как она устроена.

Надька по старой памяти сбегала на смотровую площадку, но площадка сильно изменилась. А может быть, это изменилась сама Надька. Стала старше и серьезнее. Посмотрела на панораму Москвы и пошла себе.

Нэля пригласила Надьку в финское посольство на совместный фильм, довольно интересный. Надька шила глазами в поисках Онассиса. Но что делать Онассису в финском посольстве?

Через неделю Надька засобиравалась в Мюнстер. Она задержалась бы дольше, но ребенок...

Перед отъездом Ксения дала Надьке денег. Они за просто

лежали в ящике письменного стола. Как у Сталина. В банке держать было страшно. Ксения не доверяла банкам. В стра- не вспухали и лопались денежные пирамиды, как пузыри в лужах.

Надька вытаращила глаза на пачки с долларами и вдруг поняла, что жить надо здесь. Главная заграница сейчас – в молодой России, а не в старухе Европе. И Онассисы тоже здесь, только с другими фамилиями.

* * *

Маша, слава богу, оказалась жива, но на бедре расплылся черный синяк величиной с блюдце. Все бедро было залито синяком. Райнер сознался, что уронил Машу. Девочка ора- ла, он вынул ее из кровати и не удержал.

Надька легко догадалась, что Райнер не просыхал, вос- пользовавшись ее отсутствием. А что бы она хотела? Чтобы он вдруг прекратил запой и стал хорошим семьянином?

Как можно рассчитывать на человека, который сам за себя не отвечает?

Надька с отвращением смотрела на его одутловатое лицо. Казалось, что под кожу накачали глицерин в палец толщи- ной. Лицо было отечным, желтым, как желе.

– Не-на-ви-жу, – проговорила Надька прямо в это лицо.

Ее чувство к мужу окончательно сформировалось. И если бы Райнер подошел поближе – ударила бы наотмашь. И кулак

завяз бы в этом глицерине.

Райнер осмотрительно держался на расстоянии. Несчастный человек. И Надька с ним несчастная. Но она не хотела делить его участь. Участь Райнера – ад. Неизвестно, есть ли ад после смерти, а при жизни – вот он: глицериновая рожа, горестный ребенок и запах разбившихся надежд.

«В Москву, в Москву», – повторяла Надька, как чеховские три сестры. Она уже знала, что уедет. Но медлила. Ее держало «а вдруг». Это «вдруг» могло возникнуть внезапно, как автобус из-за угла.

Однако события развивались последовательно и логично. Райнера выгнали с работы, на его место взяли мужа Греты, что тоже вполне логично.

Райнер перестал ходить на работу. Можно было бы сбрасывать на него ребенка, но и это нельзя.

Однажды в полдень явились двое молодых немцев и стали выносить из дома мебель. Оказалось, что Райнер задолжал за квартиру и по закону у него описали имущество. И теперь мебель шла за долги.

Служащие привыкли к тому, что их действия, как правило, сопровождались криком, воплями, чуть не дракой. Но в данном случае все было тихо и почти равнодушно. Хозяин спал на диване, отвернувшись к стене, а хозяйка стояла с бесстрастным лицом, как будто происходящее не имело к ней никакого отношения. У ног ползал ребенок. Служащие переглянулись и оставили детскую кроватку.

Для того чтобы вынести диван, надо было сгрузить Райнера на пол. Служащие подумали и оставили все на своих местах.

Райнер спал в алкогольной отключке. Где-то бродило его сознание. Коротил искрами отравленный мозг. Никакой реальности, никакой ответственности. Хорошо.

Через десять дней в почтовый ящик опустили бумагу, уведомляющую Райнера, что он должен освободить квартиру.

Изучив бумагу, Райнер протрезвел и сказал Надьке:

– У меня есть друг. У друга есть дача. Мы можем жить на даче. Правда, там дровяное отопление и удобства во дворе.

– Что это за дача без туалета? Сарай? – не поняла Надька.

Она представила себе сарай со щелями в потолке. Можно любоваться звездами, не выходя из дома. Ехала за Онассисом, а будет жить в сарае, как последний клошар.

– Значит, так, – спокойно сказала Надька. – Ты можешь жить где хочешь. Я от тебя ухожу.

– Куда? – не понял Райнер.

– Куда угодно.

И это было правдой. Надька не знала, куда ей податься. Она знала только то, что больше не останется с Райнером ни одной минуты.

Никакого имущества, кроме Маши, у нее не было. Надька взяла спортивную сумку и стала складывать в нее детские одежки, погремушки и бутылочки для питания. И почему-то у нее было хорошее настроение. Она завершила очередной

этап своей жизни, и он должен был отвалиться, как отработанный хвост от ракеты.

У Аристотеля Онассиса тоже были сложности. Его близкая подруга, певица, захотела похудеть и проглотила солитера в капсуле. Солитер стал жрать ее изнутри. Певица сильно похудела. Добилась своего, но умерла. В гробу выглядела хорошо.

Так что богатые тоже ошибаются. И очень сильно.

* * *

Надька зашла в телефон-автомат и позвонила Грете. Сообщила, что стоит на улице с ребенком на руках.

– Это твоя дорога, – отреагировала Грета.

Она была сторонницей жесткого воспитания. А может быть, дистанцировалась от Райнера. Для них Райнер тоже явился ракетоносителем. Доставил до нужного уровня и полетел вниз. У каждого своя дорога.

Надькина дорога вела в бордель. Там была кровать, еда и даже выпивка. Но с детьми в бордель не пускают.

Надька нарисовалась в дверях Левы Рубинчика.

– Можно, я у тебя переночую? – прямо спросила Надька.

– Ко мне через неделю приезжает жена, – соврал Лева.

– Ну так это через неделю... За неделю я устроюсь.

Надька видела, что Рубинчик врет. И он тоже не верил Надьке. Куда она устроится? Однако выставять живого че-

ловека – вернее, двух живых людей – на улицу он не осмелился.

* * *

Надька поселилась у Рубинчика. Он уходил, приходил, по вечерам играл с девочкой. А по ночам спал с Надькой.

Надька, в свою очередь, вела хозяйство как умела, растила свою дочь. Все это было очень семейно и уютно, однако бесконечно продолжаться не могло.

Однажды Рубинчик привел своего друга, француза, с которым у него был общий бизнес. Какой именно – Надька не вникала. Кажется, картинная галерея. Лева вывозил из России современных художников, а Жан-Мари продавал. Русские художники не знали себе цены и довольствовались малым. А Жан-Мари знал что почем. Лева был благодарен французу. Надька вошла в пакет благодарности.

Жан-Мари – человек-гора. Надька не представляла себе, что француз может быть таким пузатым. И рожа как пузырь. Но очень веселый и богатый. А это сочетание украшает. Веселье и богатство – это гораздо лучше, чем уныние и нищета.

У Жан-Мари в Париже был двухэтажный дом в хорошем районе. К этому дому прилагалась жена с тремя детьми, но в данный период времени они жили отдельно.

– Почему? – поинтересовалась Надька. Ей надо было знать свои перспективы.

– Я играю на ипподроме, – просто сказал Жан-Мари. – Она недовольна.

– Почему? – не поняла Надька.

– Потому что я могу в один вечер все проиграть. Так уже было. А на другой вечер я все вернул обратно и удвоил. Но это риск. Мог бы ничего не вернуть, а разориться и влезть в долги.

– А вы могли бы не играть?

– Нет.

– Почему?

– Потому что я игрок. Я так устроен.

Разговор происходил в ресторане.

Лева Рубинчик поедал устрицы, поливая их лимоном. Грустил. Ему было жалко отдавать Надьку. Он к ней привык. Но у Левы – своя дорога. Значит, надо чем-то жертвовать. За годы эмиграции Лева хорошо усвоил: чтобы выиграть покрупному, надо уметь уступать в мелочах. А Надька относилась к мелочам, хотя при другом раскладе она могла бы стать главным событием жизни.

Жан-Мари взял Надькину руку и поцеловал ее в ладошку. От его головы пахло апельсинами. Жан-Мари был толстый, благоуханный и простодушный, как ребенок. При этом первостатейный жулик плюс игрок.

«Один пьет, другой играет, – подумала Надька. – А еще Европа называется...»

У нее не было сомнений, потому что не было выбора. Ли-

бо сарай со щелями, либо Париж – двухэтажный особняк.

* * *

Париж стоит мессы. А может, и не стоит. Надька не поняла. У Жан-Мари шел период сказочного везения – и в бизнесе, и на бегах. Он купил Надьке кольцо с крупным бриллиантом. В полцены. Хозяин ювелирной лавки разорился и все распродал за полцены. И тут повезло. Жан-Мари преподнес кольцо.

– Это тебе, – сказал он.

– За что? – обомлела Надька. Очень «не французский» вопрос.

– Ты – мой талисман, – объяснил Жан-Мари.

Он приписывал свои успехи Надькиному присутствию, однако разводиться с женой не собирался.

Надька старалась изо всех сил, играла на его теле сольные концерты не как любитель, а как профессионал, победитель всех международных конкурсов. Жан-Мари был в восторге, но это не мешало ему тут же звонить жене и настойчиво звать назад.

Однажды Жан-Мари пришел с ипподрома пьяный насквозь, сел в кресло и заснул одетый. Надька стала его раздевать. Из кармана с тяжелым стуком вываливались пачки денег. Одну пачку Надька переложила в свою сумку. Она не стала прятать, ибо прятать – значит воровать.

Надькин расчет был прост: если Жан-Мари сунется в ее сумку, она скажет: «Ты сам мне дал». А он и не помнит. Он удивится: «Да?» Она ответит: «Да».

Жан-Мари не заметил пропажу. Он ведь не зарабатывал, а выигрывал. К таким деньгам другое отношение. Как достались, так и ушли. А может быть, заметил, но ничего не имел против. Надька прошла по магазинам и оделась с ног до головы. Последнее время у нее не было даже трусов. С трусов она и начала, а окончила шубой из рыси.

Надька примерила и уже не смогла снять. Такой шубы не было ни у кого. Это был уже сверхпрезидентский уровень, если только такой существует.

Надька знала, что в Москве сейчас тоже появились товары и все путаны оделись в норковые шубы. Норка стала как спецодежда. Но этих норок разводят в питомнике, как кур на птицефабрике. Это освенцимские зверьки – несчастные, лысые, недокормленные. Меха у них слабый – одно название: норка. А рысь в питомнике не разведешь. Она ходит на воле, охотится на зверя и человека, пьет живую горячую кровь. Стоит бешеные деньги. Такие деньги почти невозможно заработать честным путем, только выиграть или украсть. Жан-Мари выиграл, а Надька украла. Все сошлось.

Теперь у нее есть меха и бриллианты, все внешние приметы шикарной женщины. А внутренние противоречия – они не видны. Теперь можно явиться в Москву, просверкнуть каратами, прошелестеть мехами. Шуба из рыси – это тебе не

штаны-бананы с карманами на коленях.

В доме Жан-Мари работала прислуга-мексиканка, так что ребенок был под присмотром. Маше исполнился год, она начала ходить. Нужен глаз да глаз, поскольку у таких маленьких детей еще нет чувства опасности.

Маша ходила специфической походкой, вздрагивая спинкой, поднимая плечи, как медведь в цирке, и закрадывалось подозрение, что человек произошел не от обезьяны, а от медведя.

Надька получила возможность уходить из дома. Она и уходила.

У нее завелись две русские подруги: Галина и Карина. К французам было не пробиться: языковой барьер и социальный. Эмигрантов не любят нигде. В свой круг Жан-Мари Надьку не вводил. Да и какой там круг? Лошади? Жан-Мари был женатый человек, и Надьку он не афишировал, а прятал. Когда к нему приходили по делу, просил Надьку подняться на второй этаж.

Французы как бы очерчивали круг вокруг себя и никого туда не впускали и ничего из круга не отдавали. Мое – это мое. Совсем другая душевная конструкция, чем у русских. Вопрос «хуже – лучше» не стоит. Это все равно что сравнивать тюленя и оленя. Кто лучше? Оба лучше.

Как и в Германии, Надька обходилась русскими. Галина – хохлушка из города Краматорска. Вышла замуж по Интернету. Была недовольна: никаких прав, одни обязанно-

сти. Неудовлетворенность – хорошая питательная среда для дружбы.

Вторая подруга – совсем другое дело. Она вышла замуж за француза по страстной любви, при этом француз оказался богатым плюс красавец и аристократ. Как в сказке.

Надька прилепилась к Карине в надежде выловить из ее водоема золотую рыбку. А если не золотую, то хотя бы съедобную. Но Карина все секла и держала Надьку на расстоянии вытянутой руки. Просто поболтать на нейтральной территории – это пожалуйста. Но пускать в свой дом, в свою крепость... Карина не доверяла Надьке. Она знала: долгий опыт выживания имеет свои осложнения – нечего терять, и поэтому можно все. Никаких нравственных ограничений.

Внешне Надька и Карина выглядели равноценно: обе красивые и гибкие, как кошки. Но Карина жила своей жизнью, а Надька – жизнью напрокат. Поносила – сними.

Надька чувствовала дистанцию, на которой ее держала Карина. Злилась, но делала вид, что ничего не происходит. Иначе пришлось бы разругаться, потерять общение. А тогда что остается? Вернее, кто? Непродвинутая хохлушка, которая только и говорит о своих невзгодах. Хотела одно, а получила другое – и теперь сидит у разбитого корыта. Разговаривать про разбитое корыто скучно, а главное – бессмысленно. Надо думать о том, как корыто склеить или купить другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.